

УДК 491.71.0

СУПЕРМОРФЕМНЫЕ ФОРМАНТЫ И ИХ РОЛЬ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

А. Г. Антипов

SUPERMORPHEMIC FORMANTS AND THEIR RELEVANCE IN DIALECTAL WORD-FORMATION

A. G. Antipov

Статья посвящена исследованию семиотического аспекта русской деривационной морфологии. На материале одного из явлений русской диалектной морфологии показывается динамика и перспективы функционального рассмотрения этой сферы номинативной категоризации.

Ключевые слова: деривационная морфология, семиотические функции, категоризация, русские говоры.

The article is devoted to studying the semiotic aspect of the Russian derivative morphonology. The dynamics and perspectives of this functional aspect are shown in connection with the nominative categorization on the example of the Russian dialectal morphonology.

Keyword: derivative morphonology, semiotic functions, categorization, Russian dialects.

Разноаспектное изучение системы диалектного словообразования, особенностей её функционирования и организации привело во второй половине XX века к выделению различных разделов общей теории структуры диалектного производного слова. Некоторые из них, однако, всё ещё переживают своё становление. В частности, одной из актуальных задач исследования словообразования диалектной речи является описание морфонологической вариативности её единиц. Связанная с этим проблема идентификации морфо-деривационной структуры диалектного слова выступает, разумеется, в качестве ключевой, какой бы аспект словообразовательной морфемики ни избирался в качестве ведущего при моделировании системы говора (ср., например, [2; 14]).

К ведущим направлениям описания морфонологической модели русских диалектных формантов мы относим исследование синтагматических и парадигматических факторов фонологических изменений структуры производных лексем в посткорневой сфере реализации явлений морфемного шва, обусловленных взаимодействием словообразовательных морфем, их синтезом и сплавом, а также характером семантического функционирования. Системная типология морфонологии русских говоров включает также анализ направлений морфонологической динамики формантной структуры производного слова, связанных с процессами изменения морфемной членимости и словообразовательной мотивированности. В итоге описания системных функций морфонологических моделей формантов, их роли в моделировании словообразовательной системы раскрываются особенности стратификации формальной структуры диалектного производного слова, системный потенциал морфонологических моделей, степень их влияния на деривационное развитие лексико-семантических отношений, парадигматические изменения инвентаря словообразовательных морфем и структуры словообразовательных типов.

К основным формальным моделям деривации слова в русском диалектном словообразовании нами

относятся схемы морфонологической вариантности деривационных формантов, алломорфия которых по образцу редупликационных моделей выступает в качестве фактора системной поляризации дериватов в границах внутри- и межтиповых таксономий (словообразовательных типов и категорий) [1]. На этом основании ведущий аспект описания морфонологических вариантов формантов – аспект их семантического функционирования, позволяющий определить значимость морфонологической структуры форманта как парадигматического показателя членимости / мотивированности дериватов, как компонента внутренней формы производного слова.

По нашим данным, в процессе своего семантического функционирования морфонологические варианты форманта отражают снижение действия фузионных правил словообразования как в области реализации морфонологически релевантных позиций, так и в сфере своей лексико-грамматической и даже лексико-семантической дистрибуции.

Активность аналитических процессов приводит к тому, что в рамках тех или иных диалектных словообразовательных типов и категорий функционирует, как правило, система морфонологических моделей, оформленных разными вариантами форманта. При этом в формальном и семантическом плане их круг более разнообразен, чем в литературном языке. Например, диалектный тип отсубстантивов с формантом *-ник* обобщает на эталонном уровне основных диалектных зон русского языка более 60 формантных варианта (по сравнению с тремя алломорфами в подсистеме отсубстантивного словообразования литературного языка). Ср.: *болот-ник, болот-я/ник; молот-ник, молоко-ан/ник, молоч-ав/ник, молоч-аж/ник, молоч-аль/ник, молоко-ит/ник, молоко-от/ник; овеч-ник, овч-ар/ник; коров-ник, коров-ят/ник, коров-е/ник, коров-ен/ник, коров-ин/ник; горош-ник, горох-ов/ник, горох-оль/ник, горюф-ель/ник, горох-ов/ин/ник, горюх-ов/ель/ник; баб-ник, баб-он/ник; рыб-ник, рыб-ош/ник; окон-ник, окон-еш/ник, окон-иш/ник; лапот-ник, лапот-бч/ник, лапт-ель/ник, лапт-еж/ник; обед-ник,*

*обёд-еч/ник; вечер-ник, вечер-ыш/ник, вечер-ш/ник, вечер-ей/ник, вечер-ов/ан/ник, вечер-ин/оч/ник; кон-ник, кон-юш/ник, кон-ов/аль/ник, кон-юш/ен/ник; трав-ник, трав-уш/ник; налив-ник, налив-аш/ник, налив-ай/ник; круп-ник, круп-ей/ник; грабель-ник, грабел-ич/ник; ёль-ник, ел-ужс/ник, ёл-ш/ник; ардч-ник, арак-ач/ник; кож-ник, кож-ур/аш/ник; луч-ник, лук-в/ен/ник; дров-ник, дров-ёт/ник; мёд-ник, мед-ун/оч/ник; кад-ник, кад-уль/ник и др. (О распределении морфонологических вариантов суффикса *-ник* в русских говорах и их эмпирической продуктивности см. в [1, с. 60 – 66].)*

В диалектных микросистемах, естественно, круг вариантных моделей форманта сужается, однако тенденция сохраняется: и по структуре, и по функции вариантные формы оказываются более разнообразными, чем в литературном языке. Так, в системе кемеровского говора (Кемеровский район Кемеровской области) нами зафиксировано более 20 вариантов суффикса *-ник* (2 четырёхфонемных: *-а/ник, -е/ник*; 20 пятифонемных: *-ат/ник, -ар/ник, -ов/ник, -ав/ник, -аж/ник, -аль/ник, -ан/ник, -ин/ник, -иш/ник, -ель/ник, -ен/ник, -ет/ник, -еч/ник, -еш/ник, -ин/ник, -иш/ник, -ор/ник, -оч/ник, -ош/ник, -уш/ник*; 2 семифонемных: *-ов/ен/ник, -ов/иш/ник*). Ср.: *картофель-ник, картофл-я/ник, картов-ник, картов-иш/ник; колб-ник, колб-я/ник, колб-ят/ник, колб-ов/ник, колб-иш/ник, колб-ов/иш/ник; кедр-е/ник, кедр-ов/ник; берест-ник, берест-ян/ник; кров-ник, кров-ав/ник; молоч-ник, молоч-ан/ник, молоч-ай/ник; горш-ник, горш-ов/ник, горш-ов/ён/ник; горш-ёч/ник, горш-ейш/ник, горш-ён/ник, горш-ёт/ник, горш-ов/ник; муравей-ник, мурав-ят/ник; кон-ник, кон-ят/ник, кон-ёв/ник, кон-ёв/ник; овёч-ник, овч-ар/ник, овч-ат/ник, овч-ин/ник, мат-ник, мат-оч/ник, мат-уш/ник; рой-ник, рож-ель/ник; смород-ник, смород-яжс/ник, смород-иш/ник; литов-ник, литов-ош/ник; стол-ник, стол-еш/ник; лапш-ён/ник; лос-ят/ник, лос-ин/ник; кочк-ор/ник и др.*

Как компоненты вариантной внутренней формы слова, подобные формантные варианты функционируют при поддержке полимотивационной тенденции: по причине одновременной актуализации непосредственных и опосредствованных словообразовательных мотиваций они выступают в роли единого посткорневого деривационного форманта – «части основы мотивированного слова, отличной от корня» [13, с. 43]. Тем самым обуславливается взаимодействие и интерференция морфемной и словообразовательной структуры производного слова, а сами формантные варианты обретают статус суперморфов, поскольку с их морфонологическими формами нередко связаны различные компоненты семантики дериватов и дифференциация самих семантических структур производных лексем. Ср.: *колб-ник* ‘тот, кто собирает, продаёт колбу (черемшу)’, *колб-ов/ник, колб-иш/ник* ‘1) тот, кто собирает, продаёт колбу; 2) место в тайге, где растёт колба’; *колб-ят/ник, колб-ов/иш/ник* ‘тот, кто собирает, продаёт колбу’.

Суперморфемный статус таких формантов, способных при фонематическом варьировании выражать разные значения [8, с. 95 – 96], отражает специфику структуры русского производного знака: «её компонентами выступают не морфемы, а морфемные блоки» [5, с. 23]. А. А. Реформатский выделял образова-

ние таких своеобразных «сложных комплексов» (основ, формантов, сложных аффиксов) в качестве важнейшей характеристики русского языка, поскольку данный процесс деривации «подчиняется биномному принципу сочетания основы и формообразующего элемента и адекватной членимости как в анализе, так и в синтезе (или наоборот) в силу “зеркальности” аспектов “того же”» [12, с. 13]. Этот диахронно-синхронный процесс объединения морфем (прежде всего – суффиксальных) в устойчивые сочетания, функционирующие как единые, хотя и сложные по своему составу аффиксы, отмечался исследователями в разные периоды развития русского языка и получил в науке достаточно разнообразное терминологическое обозначение. Ср.: «производные», «составные», «сложные», «двойные» суффиксы; суффиксальные «последовательности», «протяженности», «цепочки»; «наращения», «расширения», «левые распрямления» суффиксов; суффиксальные «биморфемы», «полиморфемы», «полиморфемные конструктивные единства», «комплексы», «блоки» и др. (обзор основных концепций по этой проблеме русской морфематики, морфонологии и словообразования см. в [2, с. 21 и след.]). В своём исследовании диалектного словообразования мы останавливаемся на понятии «суперморфемы», поскольку, во-первых, этот научный концепт позволяет представить функциональную систему вариативности деривационных формантов и, во-вторых, в содержании данного понятия отражена главная закономерность функционирования вариантных морфемных форм русского языка – процесс грамматикализации (образования новых формантов и значений). Семантические функции суперморфемных формантов обусловлены как необходимостью преодоления дублетности форм на морфемном и лексическом уровнях словообразования, так и характером протекания морфонологических процессов. В результате действия морфонологического правила возможно не устранение сочетаний морфем, не характерных для структуры языка, а наоборот, усложнение фонемной структуры слова, приводящее к появлению нетипичных консонантных сочетаний (ср.: *вечёр/ник, вечер/оч/ник, вечер/ош/ник, вечер/ш/ник; ёль/ник, ёль/ш/ник; келёй-ник, келёй/ш/ник*). Именно поэтому при поддержке бинарной структуры опосредствованных мотиваций в морфо-деривационной структуре слова формантные варианты вычлениваются и в условиях свободного распределения продолжают функционировать в качестве морфемных блоков или суперморфов. Не случайно, в экспериментах по восприятию лексем с вариантной внутренней формой параллельно с осознанием мотивирующей семантики отмечаются ассоциации с опорой на формантный компонент, идентифицируемый и в случае алломорфной модели либо как целостный формант, либо как некоторый морфемный комплекс. Ср.: *свин/ят/ник* – ‘помещение для свиней, по аналогии с «курятник»’, ‘соотносится со словом «свинарник»’; *слон/ят/ник* – ‘помещение для слонов’, ‘человек с большим носом, как у слона’; ‘человек, который ухаживает в зоопарке за слонятами’, ‘слоняется, как слон’ [2, с. 101 – 110].

В диахронии к новым аффиксам с более экспрессивным означаемым приводит, как известно, переразложение морфемной структуры слова, а сами

«производные аффиксы», претерпевая опрощение своей структуры, получают в языке переходный статус позиционно или непозиционно противопоставленных вариантов (алломорфов или фонеморфов). В процессе функционирования данные единицы могут использоваться в качестве грамматических средств оформления результатов семантической деривации, приобретая новое «качество» – функцию и значение. Или как отмечал Н. В. Крушевский, «...фонетические изменения дают толчок новому распределению звуков между морфологическими единицами слова, ...вызывают морфологический процесс...» или свидетельствуют о том, что «...каждое понятие и каждый оттенок понятия имеют свое внешнее выражение» [Крушевский, 1998, с. 166]. Отсюда – дифференциация вариантных единиц структуры слова, при которой фонетически противопоставленные варианты морфемы «разветвляются на две и более при одном и том же значении» или – более того – «закрепляются» за тем или иным «особым оттенком значения» [3, с. 182, 191], «...когда фонетическое расщепление ассоциируется с психическим расщеплением» [4, с. 325]. Этот процесс «обрастания» фонетически противопоставленных вариантов морфем языковыми значениями – один из ведущих в истории языка [11]. В случае суперморфемности единицы «волнового синтеза» сигнализируют о семантической дифференциации морфонологических вариантов, что обосновывает семантические функции деривационной морфонологии в целом. Следовательно, в качестве синхронной закономерности регулярная тенденция формальной вариативности аффиксальных морфов отражает сохранение условий переразложения, провоцируя расширение системы средств морфологической деривации через формирование суперморфемных формантов внутри того или иного словообразовательного типа.

Образуя в синхронии, по разным оценкам, сочетания интерфиксов и/или субморфов и аффиксов [6], такие «производные аффиксы» составляют единство, влияющее на функционирование слова, т. е. суперформант, участвующий в функциональной дифференциации значений дериватов. В условиях усиления или нейтрализации значения предыдущего аффикса последующим эти морфемные блоки, часто сохраняющие членимость не только на морфонологическом уровне, выражают, тем не менее, единое словообразовательное значение, по которому в системе отождествляются новые модели деривации. Их формирование в русском языке определяется регулярными морфонологическими особенностями деривационного акта в русском языке: большей формальной выразительностью длинного морфа в сравнении с более коротким; фузионными процессами на морфемных швах; продуктивностью «вторичных» аффиксальных морфов, связанных с тенденциями к агглютинативности; уменьшением роли нелинейных средств сцепления морфем, по сравнению с линейными; большей наглядностью словообразовательных отношений у слов, формальная структура которых содержит субморфное наращение аффикса, т. е. «прозрачностью» словообразовательной структуры производного слова [10, с. 51 – 52]. Всё это приводит к нестрогой дифференциации морфонологических позиций алломорфов в структуре русского производного слова, восполняемой развитием у них

качества семантической регулярности – роли в стратификации определённых типов языковых значений, по которой многие алломорфы противопоставлены в области частных словообразовательных значений одного словообразовательного типа. Именно особая значимость функциональной дистрибуции позволяет обсуждать проблему семантических позиций алломорфов [10, с. 279 – 283], обусловленных категорически в границах словообразовательного типа грамматическими и лексическими причинами синхронной динамики: исключительной ролью полимотивационных факторов, межуровневого характера мотивационной типологии и системной абстракции формантной семантики.

Следует полагать, что через функционирование суперморфемных реализаций форманта раскрывается механизм морфонологической категоризации в его обусловленности процессом формирования семантических оппозиций у формальных вариантов слова. В зависимости от величины и глубины семантических расстояний, возникающих между морфонологическими вариантами, моделируются не только способы формальной организации межуровневых значений, но и сами единицы семантической стратификации, имеющие своё направление функционирования в актах номинативной деривации.

Предпочтительное закрепление одних формантных вариантов за функциональными номинациями лиц, других – за функциональными номинациями артефактов, третьих – за характеризующими номинациями биофактов [2, с. 116 – 141] показывает, что парадигматически морфонологические изменения аффиксальных морфов организованы в границах семантических микросистем (таксономий) словообразовательных типов и категорий.

В аспекте своей морфонологической формы структура дериватов предстаёт как последовательное повышение ранга семантической абстракции единиц стратификации словообразовательного значения: субморфная, варьирующаяся часть форманта является маркёром внутритиповой таксономии или «новой» ономазиологической категории, а его основной вариант (постоянный компонент морфонологической формы) – показателем словообразовательного типа, его общего деривационного значения и «старой» категории. Такая стратификация значений приводит к достаточно глубоким семантическим расстояниям между формальными структурами производных слов, что объясняется необходимостью дифференциации дублетов, формальная вариантность которых используется уже не в экспрессивной, а в номинативной функции.

В результате варианты форманта эксплицируют через субморфные наращения идиосемы семантической структуры дериватов, выступая в качестве средств категоризации – отождествления классов референтов в границах:

1) одной ономазиологической категории (или субкатегории): *налив-ник* ‘блин или оладья, намазанные сверху сметаной’, *налив-ай/ник* ‘пирог из чёрной муки, политый сверху жидкой начинкой (наливой)’, *налив-аш/ник* ‘ватрушка из пресного или кислого теста с жидкой начинкой’;

2) частично противопоставленных ономаσιологических категорий: *мош-ник* '1) тот, кто добывает и продаёт мох, 2) тетерев', *ми-ар/ник* '1) утеплённый мхом хлев, 2) болото';

3) полностью противопоставленных ономаσιологических категорий: *мош-ник* в указанных значениях имен лиц и биофактов, *ми-ар/ник* '1) тёплый хлев для скота, 2) кладовая для хранения овощей, зимовки пчёл'.

Функционирование морфонологической структуры дериватов сводится в подобных случаях к преодолению формальной и семантической идиоматичности производного слова, поскольку благодаря алломорфии в границах словообразовательного типа противопоставляются ономаσιологические сферы, оформленные специализированными морфонологическими моделями, потенциально «готовыми» к системной поляризации в качестве новых словообразовательных типов. Поэтому, если морфонологическая структура форманта оказывается семантически релевантной, соответствующие формантные варианты либо уже функционируют в качестве самостоятельных средств номинативной деривации, либо ещё представляют собой переходные единицы, стоящие на грани формирования самостоятельных аффиксов.

В заключение нельзя не подчеркнуть, что на материале таких проявлений синхронной динамики языка, как суперморфемные форманты, приходится только поражаться «той части картины мира вообще, которая опосредована языковыми знаками или даже – шире – знанием языка, его единиц и правил и, главное, содержанием его форм» [8, с. 144].

Литература

1. Антипов, А. Г. Русская диалектная морфонология: проблемы описания / А. Г. Антипов. – Кемерово, 1997.
2. Антипов, А. Г. Алломорфное варьирование суффикса в словообразовательном типе (на материале русских говоров) / А. Г. Антипов. – Томск, 2001.

3. Богородицкий, В. А. Очерки по языковедению и русскому языку / В. А. Богородицкий. – М., 1939.

4. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М., 1963. – Т. 1.

5. Касевич, В. Б. О месте словообразования в системе языка и лингвистике / В. Б. Касевич // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистике. – Пермь, 1991.

6. Красильникова, Е. В. О формальной структуре слова / Е. В. Красильникова // Проблемы структурной лингвистики 1978. – М., 1981.

7. Крушевский, Н. В. Избранные работы по языкознанию / Н. В. Крушевский. – М., 1998.

8. Кубрякова, Е. С. Основы морфологического анализа (на материале германских языков) / Е. С. Кубрякова. – М., 1974.

9. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988.

10. Лопатин, В. В. Русская словообразовательная морфемика / В. В. Лопатин. – М., 1977.

11. Марков, В. М. Проблема формирования самостоятельных морфем на основе противопоставления фонетических вариантов / В. М. Марков // Вопросы грамматического строя русского языка. – Казань, 1970.

12. Реформатский, А. А. О членимости слова / А. А. Реформатский // Развитие современного русского языка 1972. Словообразование. Членимость слова. – М., 1975.

13. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания / И. С. Улуханов. – М., 1977.

14. Шаброва, Е. Н. Диалектное корневое гнездо: проблемы и принципы описания / Е. Н. Шаброва. – СПб.; Вологда, 2002.